

Владимир Бредихин

Рациональный
эффект

12+

Владимир Бредихин
Рациональный эффект

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Бредихин В.

Рациональный эффект / В. Бредихин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Обычный девятиклассник Артём Глазьев переходит учиться в другую школу, где встречает будущих друзей Сашку Лешакова и Лену Светлову. Отец Лены - профессор, работающий в медицинском институте. Иван Сергеевич занимается изучением нового перспективного направления в медицине – радиологии – науки о рациональном использовании разума. Неожиданно для Артёма профессор обнаруживает у него необычайные способности мозга, которые пытается развивать, привлекая подростка к занятиям в институте. Своим новым возможностям Артём неожиданно находит применение и в спорте и в решении проблем, возникающих в школе. В определенный момент жизнь подкидывает главным героям такую сложную ситуацию, выбраться из которой становится почти невозможно, даже обладая уникальными способностями.

© Бредихин В., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Тренировка волейбольной секции подошла к концу и Артём, долго собиравшийся с духом для разговора с тренером, понял, что откладывать дальше уже некуда.

Угнетённое состояние Артёма не осталось незамеченным его наставником, поэтому он начал разговор сам.

– Глазьев, ты сегодня что-то не в духе. Что случилось?

Артём низко опустил голову и тихо произнёс неизбежное:

– Виктор Васильевич, я больше не буду ходить к вам на занятия.

Тренер нахмурился.

– Это что за новости? Почему не будешь ходить?

– Я с родителями переезжаю в Заводской район, а оттуда ездить никак не получится.

– Вот тебе на! Забрались вы, действительно, далековато. Жаль. И что же ты теперь, совсем бросишь тренировки?

Артём пожал плечами.

– Не знаю, поищу что-нибудь поблизости. С другой стороны, вы же сами говорили, что мне лучше лыжами заниматься.

Виктор Васильевич немного смутился.

– Ну, это ты брось, это я в сердцах сказал. Ты ведь сам знаешь, что с чутьем у тебя проблемы. Чуть похитрее соперник попадается и обыгрывает тебя своими финтами в два счета. А в лыжах больно-то не пофинтишь. Там выносливость всё решает.

Но ты всё равно постарайся волейбол не бросать. У тебя хорошо получается. А над чутьем работать надо. Волейбол – это те же шахматы, только фигуры в нём – люди. И каждый должен не только ногами и руками махать, но и головой думать. И соперника предугадывать и с товарищами по команде связь наладить. Это в первую очередь сложная и позиционная игра вроде шахмат, тут одной силой не возьмёшь.

Тренер протянул Артёму руку на прощание.

– Ну, удачи тебе Глазьев. Будешь стремиться – всё у тебя получится.

– Спасибо, Виктор Васильевич, я буду стремиться.

Утро не задалось с самого начала. Аккумулятор в мобильнике, давно не получавший свежего электричества, решил, наконец, обидеться и ночью, истратив весь заряд, равнодушно уснул до лучших времен. Будильник, настроенный в телефоне на семь утра, после этого сыграл в игру с весёлым названием «Молчанка».

Ничего не подозревающий Артём подскочил только в восемь, когда до начала занятий оставалось всего полчаса. Даже не взглянув в зеркало на высокого худого восьмиклассника с хаотично торчащими волосами, он побежал к умывальнику смывать сон и чистить зубы.

Голодный и злой он забежал в здание лицея, где теперь ему предстояло учиться после переезда родителей в этот район города. До звонка на первый урок оставалась пара минут, и в фойе почти никого не было. Охранник в синей форме безучастно взглянул в его сторону и снова уставился в монитор.

На стене главного коридора Артём обнаружил расписание занятий и, посмотрев его, остановил спешившего мимо коренастого темноволосого паренька с небольшим блестящим значком на лацкане пиджака.

– Слушай, подскажи, где физика у восьмого класса?

– Новенький, в восьмой «А»? – заинтересованно уточнил тот.

– Угу, – кивнул Артём.

– Двигай за мной в темпе, опаздываем, – бросил он и рванул к лестничному проёму.

Артёму ничего не оставалось, как броситься за провожатым, тем более что в первый день опаздывать ему совсем не хотелось.

Звонок застиг их на лестничной площадке второго этажа.

– Поднажми, новенький! – крикнул коренастый и побежал выше.

На третьем этаже они пулей пронеслись через рекреацию и остановились перед дверью с надписью: «Кабинет физики».

Провожатый резко открыл дверь и влетел в класс. Внутри уже установилась тишина, но при виде опоздавшего одноклассника снова зашумели.

– Мухин, – с усталым сожалением воскликнула светловолосая учительница в строгом черном костюме и очках в тонкой металлической оправе, – когда, наконец, ты научишься приходить вовремя?

– А я чего, я вот новенького привёл, – без тени смущения сказал коренастый и отступил в сторону, одновременно втягивая в класс Артёма.

– Ой, Мухин, ты его через северный полюс вёл что ли?

– Обижаете, Вера Анатольевна, я, можно сказать, благородный поступок совершил...

– Хватит, Мухин, садись на место, в следующий раз родителей вызову.

Мухин, изображая обиду, высоко поднял голову и гордо прошествовал за последнюю парту в среднем ряду.

– А ты, видимо, Глазьев? – уточнила учительница у Артёма и, получив в ответ утвердительный кивок, объявила:

– Да, меня предупреждали. Внимание, класс, успокоились. У нас новый ученик Артём Глазьев, прошу любить и жаловать.

Новенький посмотрел на ребят и, не зная, что сказать в такой ситуации, просто кивнул им в знак приветствия.

– Садись рядом с Мухиным, с твоим ростом лучше за последней партой сидеть, заодно присмотришь за ним, чтобы не отвлекался.

Артём с облегчением прошёл к задней парте и сел рядом с коренастым Мухиным.

– Никита, – представился тот и протянул руку, – можно просто Ник.

– Артём, – сказал Глазьев, пожимая руку соседу.

– Ну, это я уже понял, – усмехнулся тот.

На перемене одноклассники потянулись в соседний кабинет алгебры. Мухин сел прямо на парту перед Артёмом и сказал:

– Ну, рассказывай!

– О чём? – удивился Глазьев.

– Да обо всём! Ты же теперь мой сосед, а я про соседа всё знать должен. Чего это ты решил в наш лицей в середине четверти перевестись?

– Это не я. Родители поменяли квартиру. Вот мы и переехали в ваш район. В старую школу отсюда ездить далековато.

– А переехали зачем?

– Кризис. Прежнюю квартиру родители в ипотеку купили. А потом отец неожиданно работу потерял. Вот и решили взять квартиру поменьше, чтобы на разницу в цене кредит выплачивать.

– М-да, серьёзно до вас кризис добрался. А чего отец на другую работу не устроился?

– Он инженер-конструктор космических аппаратов. У них в космическом центре сокращение прошло. А с такой специальностью работу найти не просто. Он же не юрист и не менеджер.

Никите показалось, что Артём с неохотой, подбирая слова, ответил на этот вопрос. Поэтому решил пока больше его не касаться и постарался увести разговор в другую сторону.

– Ну, не знаю, мне казалось, инженеры сейчас везде нужны. Я вот сам на технаря хочу учиться после школы. И физикой с математикой больше всего люблю заниматься. Мне и Светлячок сказала, что у меня именно в точных науках способности особенно развиты.

– Светлячок? Это такое прозвище у кого-то из учителей? Странное оно какое-то. Никита смутился.

– А, извини, ты же еще не знаешь. Светлячок – это Ленка из восьмого Б. У неё фамилия – Светлова, вот и прозвали Светлячком. А ещё она умеет мозг просвечивать, так что прозвище вдвойне подходящее.

– Мозг просвечивать? – брови у Глазьева поднялись от удивления. – Это в каком смысле?

Но Никита не успел ответить, потому что раздался звонок, и вместе с ним в класс вошла учительница математики Флора Алексеевна. Её белые волосы дополнял белый брючный костюм и ярко красный лак на ногтях.

Она пристально оглядела класс. От её цепких глаз вряд ли могло что-то укрыться, тем более, если это что-то – незнакомый долговязый ученик на задней парте.

– Новенький? – властным голосом спросила она.

Артём встал и ответил.

– Да, я сегодня первый день.

– Фамилия? Из какой школы? – Флора Алексеевна спрашивала так, словно стреляла из автомата. Резко, быстро и очень громко.

Артём назвал.

– Хорошо, садись, сегодня проверим твои знания.

Она потребовала тишины, после чего сразу же задала решать проверочную работу по пройденному материалу.

Дежурный раздал листки с вариантами заданий, и класс погрузился в напряженный процесс борьбы с алгеброй.

Из пяти заданий Артём с трудом одолел два, когда белоснежная Флора Алексеевна командовала сдавать листки с работой.

Мухин дописал ответ в последнем задании, после чего удовлетворенно поставил точку.

– Фу, успел, – сказал он и повернулся к соседу, – а ты чего?

– Два из пяти, – хмуро ответил Глазьев, – да и в тех не уверен. У меня с алгеброй как-то не очень.

Флора Алексеевна приняла от дежурного листки и сразу выдернула из них работу Артёма.

– М-да, Глазьев, – она недовольно прищурила один глаз, – какая оценка у тебя была по алгебре в прежней школе.

Артём глубоко вздохнул, встал и произнёс:

– Твёрдая тройка.

– Ну, а здесь пока только жидкая двойка.

– Понятно. Значит, у меня большие перспективы.

В классе тихонько хохотнули, но жёсткий взгляд белоснежной учительницы тут же вернул тишину.

– Мне нравится твой юмор, но тебе, Глазьев, лучше сосредоточиться на учёбе.

– Хорошо, я постараюсь, – ответил Артём и сел за парту.

На следующий день, едва Артём вошел в класс Мухин решительно заявил:

– Сегодня на большой перемене идём к Светлячку.

– А, это которая мозги просверливает? – вспомнил Глазьев.

– Да, – кивнул сосед, – только просвечивает. Просверливать мы никому ничего не будем.

– Слушай, Ник, что-то мне мои мозги жалко. Мне их ни сверлить, ни светить не хочется.

– Вот, чудак, – удивился Мухин, – тебе что, не интересно знать, к чему у тебя способности есть?

– Я это и так знаю. К алгебре – точно нет. Есть, наверно, к волейболу, но их ещё развивать надо.

– Никаких «наверно». Светлячок тебе точно скажет, есть или нет. А может, тебе языками лучше всего заниматься? Может, ты полиглот потенциальный, только этого пока не знаешь?

– Что-то я пока больших успехов в английском не проявил, хотя учу его с первого класса.

– Ну, это я так, пример привёл. Надо сходить и выяснить. Я уж и с Ленкой договорился. Неудобно получится, если не придём.

– Ладно, – сдался Артём, – пойдем, чтобы ты неудобно себя не чувствовал. Но, если никаких способностей не обнаружится, ты ко мне с этим больше приставать не будешь.

– Договорились, – кивнул Мухин с довольным видом.

В этот день алгебра прошла без потрясений. Белоснежная Флора пришла в зеленом при-
таленном костюме с блестящей черной брошью на лацкане пиджака, и весь урок объясняла новую тему.

А после урока истории Мухин махнул головой Артёму, чтобы тот шёл за ним. И решительно отправился на розыски восьмого «Б», где училась Лена Светлова.

Поднимаясь по крашеной коричневой краской лестнице, Никита вдруг уткнулся в троицу девятиклассников, закрывших ему проход. Артём остановился вслед за ним.

– Здорово, Муха, – вызывающе сказал один из них. Мальчишка был на голову выше Никиты, но уступал в росте Артёму. Зато по ширине в него вошло бы два Глазьевых.

Артёму не понравились недобрые взгляды девятиклассников, причину которых он не понимал.

– Привет, Вить, дай пройти, – осторожно ответил Никита.

– Не спеши, получи-ка щелбан, – с этими словами Витька влепил удар пальцем по голове Никиты.

Тот попытался закрыться руками и уклониться.

– Чё, испугался? За испуг пиявочку, – довольно произнес Витька, оттянув палец на левой руке и щелкнув им по макушке Ника.

– Э, парни, вы чего делаете? – вмешался Артём.

– Утухни, длинный! Давно по тыкве не получал? Щас исправим! – один из витькиных дружков, стоявший ближе к перилам, надвинулся на Глазьева. Его вызывающий и полный нена-
висти взгляд не предвещал ничего хорошего.

Артём постарался ответить как можно более спокойно:

– Парни, мы вас не трогали. Давайте просто пойдём по своим ... – резкий удар снизу в челюсть прервал его на полуслове.

Глазьев махнул руками и в последний момент схватился за перила, чтобы не упасть.

– Что у вас происходит, Косарев? – раздался за витькиной спиной резкий голос Бело-
снежной Флоры.

Артём никак не мог вообразить, что ему когда-нибудь будет приятно услышать эти стре-
ляющие звуки.

Витька переменялся в лице и, обернувшись, с улыбкой ответил:

– Да вот, сами посмотрите, Флора Алексеевна, восьмиклассники задираются, и на нас нападают. Чуть не побиили, хорошо вы подросли, чесслово.

– На тебя, Косарев, нападёшь, ты мне лапшу не вешай, ну-ка быстро разойтись.

– Да мы ничё, мы уходим, – произнёс напоследок Витька и испарился вместе с дружками, убежав по лестнице на нижние этажи.

Белоснежная Флора печально посмотрела на Артёма.

– Глазьев, ты второй день в школе, и уже умудряешься в драки встречать. Тебе осмот-
рительней надо быть. А ты, Мухин, лучше бы чему-нибудь полезному одноклассника научил, алгебре, например.

Она резко развернулась и ушла, оставив Никиту и Артёма приходить в себя.

– Чего они к тебе прицепились? – спросил Глазьев товарища.

– Ты думаешь, им обязательно причина нужна? Они ко всем цепляются. Просто хотят показать, что сильнее, чтобы их боялись. Никто их не трогает и не задирает, наоборот, все стороной обходят. А они... они отмороженные на всю голову. Для них главное – ощущать себя самыми крутыми. А если ты сомневаешься, то тебе положено кулаком в челюсть. Хотя, кулаком в челюсть можно получить независимо от твоих убеждений. Просто так, чтобы знал, кто тут главный.

Вот мне алгебра нравится, тебе твой волейбол, а им их крутизна. Только моя алгебра и твой волейбол другим жить не мешают, а их хобби достало уже всех в лице.

Никита огорченно вздохнул и достал из кармана мобильник.

– К Светлячку не успеем, да и настроения уже нет. Сейчас ей наберу. Договорюсь после уроков встретиться. Надо же нам всё-таки тебя просветить.

Серый октябрьский день не радовал теплом, поэтому Артём успел озябнуть, прежде чем они с Никитой дождались на крыльце школы Лену Светлову.

Из дверей вышла худенькая девчонка с русыми волосами. Белая куртка с сиреневыми вставками была надета поверх сероклетчатой школьной формы. Никита тут же махнул рукой.

– Лен, мы здесь! Знакомься, это Артём, – учтиво представил он, – наш новенький, я тебе говорил.

"Точно, Светлячок", – подумал Глазьев, "она вся как будто светится, а улыбается так искренне, что совершенно обезоруживает. А ещё глаза, большие и яркого небесного цвета".

По-видимому, произошла некоторая заминка, потому что Никита толкнул Артёма локтем, чем вывел из состояния ступора.

– А, я это, рад знакомству, – очнувшись, нашелся тот.

Ленка прыснула, потом посмотрела на новенького очень внимательно.

– Здравствуй, Артём. Ты правда хочешь узнать к чему у тебя есть предрасположенность?

Артём слегка улыбнулся и пожал плечами.

– Мне кажется, больше всего это хочет узнать Никита.

Светлова тоже улыбнулась.

– Мухин, как человек любознательный, проявляет живой интерес к радиологии.

– К чему?

– Радиология – это наука, изучающая возможности мозга.

– А, понятно, – кивнул Глазьев.

– Понятно с Никитой, а сам-то ты хочешь узнать?

– Наверно, да. Это интересно. А если бы я не захотел, ты бы не стала говорить?

– Чтобы заглянуть в мозг, нужно получить согласие человека. Это неременное условие радиологии.

– Ну, хорошо, я даю согласие.

– Отлично, тогда я посмотрю прямо сейчас, – улыбнулась Светлячок. Она пристально посмотрела Артёму в глаза, потом остановила взгляд чуть повыше.

Прошла пара минут, но Лена продолжала не отрываясь смотреть куда-то вглубь головы Артёма. В какой-то момент ему показалось, что в затуманенных зрачках Светлячка мелькают проворные зелёные искорки.

– А это вообще надолго? – решил спросить Глазьев.

– Обычно Лена сразу говорила, – отозвался Никита и решил достучаться до Светловой, которая, казалось, потеряла связь с реальностью.

– Лен, что-то не так?

Светлячок заморгала, отвела взгляд и ответила:

– Я не знаю, ничего не могу понять, я просто ничего не вижу. Первый раз со мной такое, просто как слепая.

– В каком смысле не видишь? У Артёма способностей что ли нет?

– Не в этом дело. Артём, я не вижу твой мозг.

Глазьев на всякий случай пригладил волосы на голове.

– И что это значит?

Лена растерянно пожала плечами.

– Я, правда, не знаю. Не могу понять.

– У тебя раньше так уже было? – спросил Мухин.

– В том-то и дело, что нет.

– Ты может, расстроена сейчас? – сообразил Никита. В лицее сегодня день как прошел? Неприятностей не было? У нас с Артёмом, например, была одна встреча. До сих пор на душе паршиво.

– Ник, перестань, тут что-то не то. Нужно подумать. Я вот что, с папой поговорю. Давайте завтра после уроков встретимся?

– Хорошо, – ответил Мухин за обоих.

Белоснежная Флора снова задала решать проверочную работу по новому материалу. На листке было всего два задания, и Артём не решил ни одного. Все пятнадцать минут, отведённые Флорой для решения, он тупо смотрел в листок, пытаясь хоть что-то отыскать в глубинах своего сознания для решения этих злосчастных задач.

Как и в первый раз, учительница сразу выдернула из стопки листок Глазьева.

Подняв строгий взгляд, она начала стрельбу:

– Мухин, тебе что, трудно с Глазьевым алгеброй позаниматься? Где твоя соседская солидарность?

– А я чего? Я готов! – тут же отозвался Ник.

– А ты, Глазьев, готов реализовывать свои большие перспективы или уже крест на себе поставил?

– Нет, я буду, – грустно ответил Артём.

– Тогда начните с Мухиным прямо сегодня. Иначе, если будет третья двойка, я вызову родителей.

Глазьев с угрюмым видом молча кивнул. Настроение испортилось надолго.

После уроков, они договорились дожидаться Светлячка на крыльце школы, а потом идти заниматься алгеброй.

– Пойдем к тебе или ко мне? – спросил Мухин.

– У меня отец дома, – ответил Артём, – при нём, боюсь, не получится позаниматься.

Никита заметил, как помрачнел товарищ.

– Тогда, давай ко мне, – предложил он. У меня предки на работе, а старший брат отдельно живёт, никто не помешает.

Неожиданно из лица вышел Витька Косарев с неизменной свитой из двух рослых девятиклассников. Увидев Артёма и Никиту, он тут же направился к ним.

– Какая встреча, – расплылся в широкой улыбке Витька. – Прошлый раз мы не договорили. Так что давайте без предисловий, быстро по полтинничку скинулись во избежание недоумений.

– Чего? – не понял удивлённый Артём.

– Ты, длинный, ещё и тупой? – подал голос витькин дружок плотного телосложения с неприятной лоснящейся физиономией в обрамлении рыжих стриженных ёжиком волос. – Конкретно с тебя столярник за непонятливость.

– Парни, давайте не будем обострять, – Никита, пытался быть спокойным, – вы же знаете, наличку сейчас никто не носит. У всех деньги на школьных картах.

Рыжий посмотрел на Витьку, но тот, громко цыкнув, сказал.

– Значит, завтра оба принесете по столярнику. Тебе понятно, длинный?

– У меня дома тоже денег нет.

– Чего так? На мороженное всё потратил или в банк отнёс?

Артём угрюмо молчал.

– Слабый у тебя удар, Дрон, – сказал Витька, обращаясь к рыжему, – у длинного челюсть быстро болеть перестала. Ну, ничего, завтра напомним. Пошли, пацаны.

Косарев и компания, развернулись и к облегчению Никиты и Артёма, отправились по своим делам.

Лену они так и не дождалась. Она прислала Нику эсмэску, что их задерживают на факультативе.

Мухин жил рядом с лицеем. Из окон его квартиры был виден забор и часть лицейского здания. Трёхкомнатная квартира Никиты состояла из гостиной, родительской спальни и комнаты Ника.

Артём позавидовал товарищу, но вслух про это не сказал ничего.

– Ник, а что Косарев, давно в лицее учится?

– С первого класса. И сколько его помню, всё время отмороженным был. Все учителя ждут не дождутся, когда Витька уже лицей закончит. Да, признаться, не только учителя.

– И что, никто его на место поставить не пробовал?

– Почему? Пробовали. Учителя с его родителями много раз встречались. Грозил из лицея исключить. Кое-кто из родителей даже в полицию пытался жаловаться. Только как тут исключить, когда его мать двумя магазинами владеет и неслабые деньги в фонд школы постоянно выделяет, а отец в полиции каким-то начальником работает. Отмазывает сынка, если что.

– Ничего себе, вот засада, а про деньги он серьёзно? Ему что, мать денег не даёт?

– Точно не знаю, что-то, наверно, даёт, но у Витьки, видимо, запросы большие. Только учти, платить ему нельзя. Некоторые пытались откупиться, но он тогда ещё больше на них садится. И деньги уже постоянно требовать начинает. А они молчат, боятся связываться, да и знают, что в случае чего папа Витьку всё равно отмажет. Ты тоже не вздумай платить. Лучше уж в челюсть получить, чем его спонсором становиться.

– Да мне и, правда, платить нечем. Мать строго на завтраки и обеды на карту деньги переводит и больше ни копейки налички не даёт. У нас дома с этим туго.

– Ну да, я понимаю, – кивнул Никита. – Ты есть хочешь? Я бы перед алгеброй чайку попил.

– Это можно. Чувствую, силы мне ой как потребуются, – Артём первый раз за день улыбнулся.

Следующий день в лицее прошёл ровно. Флора Алексеевна проверочных работ не назначала, ограничившись разбором задач по пройденной теме. Витька на горизонте тоже не возник.

После уроков Артём и Никита встретили Светлячка, которая выбежала к ним в приподнятом настроении.

– Артём, – начала она поздоровавшись, – я говорила с папой, и он очень хочет встретиться с тобой и взглянуть на твой мозговой феномен. Ты не мог бы пойти со мной к нему в институт прямо сегодня?

– Это надолго? А то мы с Ником алгеброй должны заниматься, – без особого энтузиазма спросил Артём.

– Ты что, конечно иди, – встрепенулся Мухин, – алгебра подождёт до вечера. Мне ужасно не терпится узнать о твоих способностях.

– Ну, ладно, – махнул рукой Глазьев, – а кто у тебя папа? И зачем нужно к нему идти?

– Ой, прости, я тебе не сказала. Он профессор, доктор медицинских наук. Уже много лет занимается в медицинском институте радиологией. Это он научил меня рациональному зрению, с помощью которого я и определяю способности мозга. А сам он умеет это гораздо лучше меня.

– Можно мне с вами в институт? – Ник сделал просящее выражение лица, как у котика из известного мультфильма, после чего отказать ему было никак не возможно.

– Конечно, пойдём, – рассмеялась Лена, – посмотришь на медицинский институт изнутри.

Институт располагался в старинном трёхэтажном здании с полукруглыми окнами и лепниной по всему фасаду. Большой вестибюль встретил ребят высокими арочными потолками и седовласой бабушкой в кабинке вахтёра.

– Мы к профессору Светлову сообщила Лена бабушке.

– Проходите, – разрешила та, – третий этаж, налево.

– Зачем она тут сидит? – тихо спросил Никита у Лены, когда они миновали вахтёршу.

Пропуска она никакие не спрашивает.

Лена пожала плечами.

– Может, подсказывать, куда идти, когда не знаешь?

Лаборатория кафедры радиологии расположилась за высокими двустворчатыми дверями с бронзовыми ручками. Артём подумал, что эти ручки, судя по их виду, служили ещё со времен постройки здания.

Из небольшой прихожей они попали в помещение с длинным лабораторным столом, на котором замысловатыми цилиндрическими башенками располагался какой-то здоровенный прибор. Рядом перед двумя мониторами сидела темноволосая девушка в белом халате.

– Это электронный микроскоп, – пояснила ребятам Лена. А это Юля, она аспирант, пишет диссертацию и здорово умеет управлять этим прибором.

Юля повернула голову.

– Привет, Лен! О, ты сегодня экскурсию привела?

– Привет, Юль! Ну, вроде того. Папа у себя?

– Да, проходите, он только что с лекции пришёл.

Юля отвернулась к мониторам, а ребята прошли в следующее помещение. Одну из стен в нём полностью скрывали стеллажи с книгами. Посередине стоял стол с приставленным к нему еще одним столом для совещаний. Во главе этой конструкции за компьютером сидел спортивно сложенный человек средних лет в белом халате поверх темно-синей рубашки со стильным галстуком в мелкую полоску.

– А, привет, молодежь! – весело произнес Ленкин папа, вставая из-за стола и целуя дочь в щеку.

Артём совсем не так представлял себе профессора медицины. Ему казалось, он должен быть гораздо старше, обязательно носить бородку или хотя бы очки. А ещё говорить: "ну-с, молодой человек, давайте посмотрим". Перед ним же стоял совсем ещё не старый человек с чисто выбритым лицом, и озорными голубыми глазами. Никаких очков и бороды у него не было.

– Ага, вот и наш уникум, да ещё и с товарищем! Спасибо, что не отказались зайти. Здравствуйтесь ребята, меня зовут Иван Сергеевич.

Ленкин папа протянул руку сначала Артёму потом Никите.

– Здравствуйтесь, Иван Сергеевич, а как вы поняли, что Артём – это я?

– Ну, это просто, – профессор слегка улыбнулся. – Лена рассказала о нестандартной ситуации и теперь, «глядя» на твой мозг я «вижу», что она имела в виду. А у вашего спутника...

– Никиты, – подсказала отцу Лена.

– Да, у Никиты, предрасположенность к точным наукам видна сразу. И значит, ты, Никита, пришел просто за компанию. Всё верно?

Ник, развел руками.

– Абсолютно!

– Ну, вот и хорошо. А теперь давайте попьем чай. Лен, поставишь чайник?

– Конечно, – Светлячок отошла к журнальному столику, где стояли приборы для чаепития.

Иван Сергеевич предложил ребятам сесть и продолжил:

– Вы когда-нибудь слышали о рациологии?

– Совсем чуть-чуть, – ответил Ник.

– Тогда, с вашего позволения, я немного введу вас в курс дела. Рациология – это наука о разуме. От латинского слова *ratio* – разум. Собственно ничего удивительного, что наука эта малоизвестна. Она очень молодая и сейчас делает первые шаги. В основе её появления два общеизвестных в науке факта. Первый: человек использует возможности своего мозга не на полную мощность. Второй: в результате своей деятельности человеческий мозг излучает слабые электрические токи, так называемые биотоки. Так вот мы в нашей лаборатории научились улавливать и распознавать их без какой-либо специальной аппаратуры, а самое главное – воздействовать на головной мозг любого человека в медицинских целях. Гипнозом это назвать нельзя, хотя и очень похоже. Скажем так: мы можем распознать ту или иную реакцию человека, более-менее точно сказать какие эмоции он испытывает в данный момент. Но не в этом главное. По-настоящему важным в своих исследованиях мы считаем применение рациологии в лечении заболеваний, многие из которых сегодня не поддаются лечению вообще. Например, вы наверняка слышали о таком страшном недуге, как эпилепсия.

– Это когда человек вдруг падает и бьётся в судорогах? – уточнил Артём.

– Да, верно. Так вот, эпилепсия – это заболевание мозга и в настоящее время практически неизлечима. А с появлением рациологии эта болезнь может быть вылечена всего за несколько сеансов и замечь, без всяких лекарств.

– Ого! – удивился Никита.

Идём дальше. Известно, что всеми системами человеческого организма управляет мозг. Но человек не замечает этого. Да и зачем? Пусть лучше он думает о чём-то другом. Творит, читает, смотрит кино, разговаривает, спит. Мозг сам справляется со всеми функциями управления. Беда в том, что человек не может почти никак повлиять на этот процесс. А теперь представь, что у кого-то большой желудок. Внутри него происходит повышенное выделение желудочного сока, который является кислотой и разъедает стенки желудка. Существующие способы лечения очень продолжительны по времени, связаны с приемом множества лекарственных средств, имеющих зачастую нежелательный побочный эффект. Кроме того, они не дают полной гарантии выздоровления. Но если мы применяем в лечении рациологию и, воздействуя на зону мозга, отвечающую за пищеварительную систему, уменьшаем выделение кислоты в желудке, то добиваемся стопроцентного положительного эффекта в кратчайшее время. Конечно, я сейчас очень упрощаю, но это для того чтобы не забивать вам голову многими медицинскими сложностями.

Хотя, если взять проблему избыточного веса, которой страдает, чуть ли не каждый второй человек, то она как раз решается очень просто при помощи всё той же нашей рациологии.

– А это-то как? – снова удивился Никита.

Иван Сергеевич улыбнулся.

– Часть мозга, именуемая гипоталамусом, содержит два центра, контролирующие аппетит. Один – «центр питания», другой – «центр насыщения». Первый включает аппетит, второй выключает. Если вдруг второй центр перестаёт вовремя срабатывать, то человек начинает переедать, и, как правило, набирает лишние килограммы. Правильно настроить этот центр для радиолога – пара пустяков.

Но кроме чисто медицинского, у радиологии есть ещё очень важное значение. Это рациональное использование ресурсов мозга, который, как я уже говорил, используется нами весьма слабо. Кстати слово 'рациональный' происходит от латинского 'rationalis', означающего разумный. Разумное использование разума. Согласись, красиво звучит. Так вот, применение радиологии в этом направлении предусматривает диагностику мозга с целью выявления потенциальных Ньютонов, Менделеевых, Пушкиных или Достоевских. Ещё на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков ученые установили, что головной мозг специализирован до такой степени, что различные его участки контролируют даже различные таланты или особенности личности. Но одной диагностикой тут не обойтись. Проводя исследования, мы убедились, что талантливым в той или иной области является абсолютно каждый человек. Беда в том, что он порой об этом даже не догадывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.